

Студенческий курс И.Д. Ковальченко

И.Д. Ковальченко поступил на исторический факультет Московского университета в 1947 г. и завершил курс обучения в 1952 г. Это был один из лучших выпусков исторического факультета.

Всего в 1947 г. на исторический факультет было принято 158 человек. В первые годы после Великой Отечественной войны в университет поступало много фронтовиков. На курсе 1947 г. их было около 30 человек. Примерно столько же человек поступило на исторический факультет в результате сдачи экзаменов, а большинство студентов курса составили бывшие школьники-медалисты. И.Д. Ковальченко, хотя и был фронтовиком, поступал в группе тех, кто окончил школу с золотой медалью, ведь он получил полное среднее образование только после войны, на которую ушел в 17 лет. Именно на войне он принял решение о дальнейшем жизненном пути: он хотел стать историком.

Этот курс был последним из трех послевоенных курсов, на который набирали без экзаменов абитуриентов, кончивших школу с медалью. Однако по инициативе общественных организаций факультета было проведено собеседование. Бывшие студенты вспоминают это собеседование как нечто незначительное, формальное: «Само собеседование ярких воспоминаний у меня не оставило, потому что ничего существенного там не происходило. Золотая медаль предрешала вопрос о том, что я поступлю»¹. Собеседование успешно прошли и те, кто отказывался ехать в колхоз, и даже Я.Н. Шапов, выпускник московской школы — не комсомолец, к тому же непролетарского происхождения. Однако, вопреки мнению прошедших это собеседование, оно было действенным отбором по политическим мотивам. Например, очень большие сложности были у Н.Я. Эйдельмана. Он и еще около 20 медалистов, отвергнутых по результатам собеседования, поступили только благодаря увеличению по всему МГУ количества мест в последний день приема.

Состав студентов курса не был постоянен: после демобилизации возвращались бывшие студенты, желающие продолжить

свое образование; довольно активно переводились студенты из других вузов страны, некоторые из них затем не выдерживали нагрузки и довольно быстро отставали, либо бросали университет. На 1 декабря 1948 года на 2 курсе училось уже 169 человек. В сентябре 1950 г., когда на исторический факультет перевели искусствоведческое отделение, на 4 курс добавилось еще 24 человека. По оценке оргкомитета выпускников курса в 1973 г., «на курсе было приблизительно 190 человек — точного числа никто не знает и никогда не узнает из-за появления и исчезновения всяких таинственных, полузагадочных личностей...»², а в 1987 г. считали уже «более 200 человек». По официальным источникам, в 1952 г. исторический факультет окончили 196 человек, однако тех, кто в разное время учился на курсе в 1947—52 гг. было не менее 230 человек.

Среди поступивших в 1947 году самыми старшими были Б.И. Шебалин (1917 года рождения), Х.Ш. Аргун и В.А. Пономарев (1919 г. рождения). 30% студентов курса (фронтовики и работавшие на трудфронтах) пришли в университет не сразу после школы. Большинство из них, как и И.Д. Ковальченко, было на 5—7 лет старше школьников. Однако, по воспоминаниям выпускников тех лет, все студенты, прошедшие фронт, казались намного старше студентов, пришедших из школы, независимо от того, на 3 года или на 10 лет они были старше. Почти половина студентов родилась в 1929 г. Несколько человек поступили на курс в 16 лет. Примерно поровну было женщин и мужчин.

Первоначально курс довольно резко разделялся на бывших школьников и фронтовиков. Первые имели, как правило, очень сильную подготовку, как общеобразовательную (большинство из них было медалистами), так и по истории. Однако, хотя они составляли большую часть студентов на каждом курсе, лицо послевоенного студенчества во многом определяли бывшие фронтовики. У них был огромный жизненный опыт, который дала война. Если многие студенты, пришедшие со школьной скамьи, особенно медалисты, часто были в нерешительности, на какой факультет поступать, то фронтовики чаще всего целенаправленно выбирали не только факультет, но и определенную кафедру. Правда, иногда и они меняли решение. И.Д. Ковальченко, поступив в университет, хотел заняться изучением истории фашизма. Однако уже на первом курсе он понял, что источники по этой теме еще не доступны, и решил заниматься отечественной историей.

С одной стороны, фронтовики знали, что им нужно, поэтому учились очень серьезно. С другой стороны, они пришли в

университет после многолетнего перерыва в учебе, поэтому нередко плохо помнили школьную программу. Причем у них был потерян навык учиться, изо дня в день овладевать знаниями. Особенно трудно им было на первых курсах, когда изучались иностранные языки, что требовало ежедневного труда.

На первом курсе шло непрерывное соревнование: «фронтовики» упорно трудились, стараясь наверстать упущенные годы, не отставать от «школьников». Последние, в свою очередь, видя рвение старших однокурсников, тоже серьезно относились к учебе. Существовала и взаимная помощь студентов, особенно по иностранным языкам и по социально-экономическим дисциплинам. Таким образом, ко второму курсу существовавшая ранее разница в знаниях исчезла. К этому же времени определились и лучшие студенты курса, к которым относился И.Д. Ковальченко. Он обладал необходимыми знаниями, так как заканчивал школьное обучение уже после войны, и желанием учиться, сложившимся в военные годы. Поэтому он уже на первом курсе стал одним из лидеров курса.

Успешной учебе помогало и то, что на историческом факультете были очень хорошие преподаватели. Поступившие на истфак в 1947 г. слушали лекции В.И. Авдиева и Н.А. Машкина, С.Д. Сказкина и Е.В. Тарле, С.В. Бахрушина и К.В. Базилевича, П.А. Зайончковского и Е.Н. Городецкого. И.Д. Ковальченко выделял среди преподавателей, особенно сильно повлиявших на выбор им специализации, С.Д. Сказкина и Н.Л. Рубинштейна, и, конечно, своего научного руководителя С.С. Дмитриева.

У студентов существовали формы самоконтроля учебы, которые чаще всего придумывали они сами, часто эти формы получали затем одобрение общественных организаций (а с ним — и обязательный характер, и контроль за исполнением). Так, на историческом факультете в 1945—46 гг. распространилась практика составления индивидуальных планов учебы для самоконтроля самостоятельной работы. Эта практика была одобрена на партконференции и стала обязательной для всех студентов младших курсов. Поэтому на курсе 1947 г. поступления было обязательно составление индивидуальных планов. Некоторым студентам, особенно фронтовикам, которые после длительного перерыва вновь приступали к учебе, план очень помогал. И. Д. Ковальченко составлял планы работы и после того, как это стало необязательным, и даже в годы преподавания. Большинство же студентов, по воспоминаниям, относилось к составлению этих планов как к формальности, перегибам ком-

сомольского бюро. «К этому относились с некоторой иронией, не очень серьезно воспринимали: "Ну, надо, ну, ладно". Потом это как-то отмерло само собой, потому что это была бюрократическая затея»³. Многие студенты пытались отписаться, но это не всегда удавалось. Студенты 1947 г. поступления вспоминают, как их планы сначала проверял комсорг группы, а потом утверждал секретарь комсомольского бюро курса, которым был тогда В.И. Тропин. Очень часто первоначальный вариант индивидуального плана возвращали на доработку и переделку. С конца октября (а в весенний семестр — с конца марта) общественные организации курсов приступали к проверке выполнения индивидуальных планов. Существовали разные виды проверки: самоотчеты студентов ставились на обсуждение бюро общественных организаций и на групповых собраниях, из студентов-отличников создавались группы по проверке выполнения планов и т.д. Однако часто сами общественные организации признавали, что проверка проходит формально: либо «гнались за количеством "проверенных", в ущерб качеству проверки», либо обращали все свое внимание на отстающих студентов.

Одной из форм изучения социально-экономических дисциплин были студенческие теоретические конференции, активно проводившиеся с 1946—47 гг. Их организовывали 2—3 раза в год, они часто становились обузой для студентов, так как бывали и во время сессий, сдачи коллоквиумов и т.д. Теоретические конференции проходили в разных формах. Чаще всего готовились несколько докладов в каждой студенческой группе, и все студенты обязаны были прочесть рекомендованную литературу и выступить на конференции. Иногда назначались несколько докладчиков на курс. Тогда заранее подготавливались и утверждались членами партбюро не только сами доклады, но и выступления по ним, а также иногда заранее проверялось, знают ли «ненадежные» студенты рекомендованную литературу. К 1948 г. темы теоретических конференций стали ближе к историческим, они приближались к изученному периоду и помогали студентам готовиться к экзаменам.

На курсе применялась и такая форма контроля знаний, как коллоквиум. До 1949 г. коллоквиумы проводились только по иностранным языкам (в том числе и древним), потом, по предложению студентов 3 курса, коллоквиумы стали проводить по всем предметам. Коллоквиумы проводились кафедрами, однако подведение их итогов обычно ложилось на профорганизацию курса⁵.

На 3 году обучения курс 1947 г. поступления тоже придумал свою форму самоконтроля. В начале 1950 г. студенты стали практиковать проведение «собеседований»⁶: всю обязательную для изучения дисциплины литературу распределяли между членами группы, а потом каждый студент делал сообщение по прочитанной литературе. Эта практика, начатая в одной из групп кафедры истории СССР, распространилась потом на весь курс. Результаты сказались очень быстро: с тех пор этот курс стал лучшим на факультете⁷. Позже такие «собеседования» проводились вместе с преподавателями, и тогда они часто заменяли коллоквиумы.

Многие студенты, поступившие в 1947 г., занимались в научном студенческом обществе. Причем студенты не только участвовали в работе общества, но и возглавляли некоторые секции. Например, С.А. Владимирский руководил секцией кафедры марксизма-ленинизма, секцией кафедры истории СССР — А.Д. Горский, который активизировал ее работу. Он агитировал вступить в секцию преимущественно студентов своего курса, поэтому к концу 1949/50 учебного года из 20 членов НСО 15 было с 3 курса. Одним из наиболее активных и талантливых членов этой секции был И.Д. Ковальченко. Уже на 3 курсе он получил грамоту за лучший доклад на факультете, а на 4 курсе его работа победила на городском конкурсе. И.Д. Ковальченко делал доклады на заседаниях НСО не только по темам курсовых работ. На заседаниях НСО ставились отчеты экспедиций, делались разборы журнальных статей и новинок исторической литературы. При участии НСО организовывались кружки: на кафедре марксизма-ленинизма — по изучению биографии Сталина, истории ВЛКСМ и т. п., на кафедре новой истории — по международному положению. Иногда НСО выделяло средства на экскурсии (почти на каждой кафедре в семестр проводилось 2—3 экскурсии по Москве и Подмосковию) и даже походы (например, от кафедры марксизма-ленинизма летом 1951 г. была поездка по сталинским местам Закавказья, после которой была проведена конференция. В этой поездке приняли участие 4 студента, поступивших на истфак в 1947 г.).

Занятие научной деятельностью продолжили очень многие из тех, кто учился на факультете в 1947—52 гг. Из выпускников 1952 г. более 80 стали кандидатами наук, более 40 — докторами наук. 55 человек работали в Академии наук и 25 — в вузах страны, в том числе больше 10 человек в МГУ. Из выпускников курса трое стали академиками и один — чле-

ном-корреспондентом РАН. Первым из выпускников 1952 г. действительным членом Академии Наук был избран И.Д. Ковальченко.

На курсе была сильная комсомольская организация, ее возглавляли студенты — члены ВКП (б). В первые 2 года обучения на курсе было только 15 членов и кандидатов в члены ВКП (б), одним из которых был И.Д. Ковальченко, вступивший в партию в 1944 г. Партийцы охотнее принимали участие в комсомольской жизни курса или исполняли поручения за пределами факультета, чем участвовали в факультетских партийных делах. Л.С. Осповат вспоминал, что на первом же заседании партбюро курса было решено, что на курсе не должно быть никаких персональных дел. В первый же год все комсомольцы были приняты в комсомол «в обязательном порядке»⁸. В комсомольской организации активно работали, помимо агитационного, культурно-массовый и военно-физкультурный сектора (последний поддерживался ДОСАРМом, добровольным военным обществом). И.Д. Ковальченко был на первых курсах председателем курсового бюро ДОСАРМа. Он агитировал однокурсников вступать в стрелковый и радио-кружки, а также в секцию военных переводчиков, в которой проводились дополнительные занятия по иностранным языкам. Один—два раза в год устраивали целым курсом, а иногда и факультетом, загородные поездки во время которых проводили военно-спортивные соревнования. Два—три раза в год проводились курсовые вечера отдыха, на которых всегда были концерты. Обычно их готовили признанные специалисты: режиссеры (Ф.Н. Арский), танцоры (Н.М. Лисицына), певцы (Т.И. Шередега, Ю.А. Мошков), музыканты (Р.Л. Садоков, И.И. Орлик), были рассказчики и поэты. Иногда устраивали необычные вечера. Однажды на курсе организовали вечер, на котором выступали все без исключения студенты⁹. После летних военных сборов был вечер с «Рапсодией на солдатские темы "20 дней в строю" в исполнении "хора мальчиков" 5 курса истфака»¹⁰. После концерта обычно бывали танцы, на которых под патефон танцевали вальсы, танго и фокстроты.

Часто устраивали и праздники в студенческих группах: в большинстве групп обязательно отмечали дни рождения, Новый год и т.д. Эти праздники обычно не изобиловали разнообразием еды, деньги на которую собирали всей группой: бывшие студенты в основном вспоминают, что на столах обычно были винегрет, картошка и пироги. Не всегда хватало денег и на подарки, тогда студенты изобретали разнообразные подарки, не требующие затрат, которые порой оказывались намного

более запоминающимися. Например, в одной группе на 8 марта каждой девушке подарили стихотворение". Также традиционно студенты ходили в кино и театры (обычно покупали входные билеты и сидели на откидных местах или на ступеньках), ездили на экскурсии и т.д.

Даже летом студенты часто бывали вместе. Практически все они побывали на летних работах в колхозе. Те, кто там был, с удовольствием вспоминают эти поездки. «У нас была очень интересная сфера общественной деятельности, которой мы предавались с большим удовольствием, это летняя работа в колхозах», — вспоминает Л.Н. Краснопевцев, — «Тогда каждый район города Москвы имел свой подшефный район в области. У нас подшефным районом был Зарайский. И вот после каждого курса я ездил туда с бригадой. Мы очень основательно работали там... Тогда комбайнов было не так много, и хлеба обрабатывали на молотилке, снопы сначала срезали и ставили на поле, а мы их обмолачивали, и, по-моему, мы делали стога, а зерно отвозили. Работа была довольно трудная, довольно тяжелая, и все эти 4 года я с удовольствием ездил»¹². «По-моему, большинство ехало с удовольствием, потому что там, во-первых, на воздухе, работа была посильная, питание было неплохое, поэтому мы с удовольствием ездили. А потом, чего-то другого, особых возможностей куда-то ехать, на курорты, на море, у нас ведь не было в то время»¹³. «Сначала поехать туда кое-кого заставляли, а потом, побывав там, люди ездили туда охотно. Потому что это очень весело было. У меня остались хорошие воспоминания от поездки»¹⁴. «Мы приезжали туда, жили там в какой-то избе все вместе, спали на полу, вповалку, человек 20. Колхоз давал нам картошку, молоко и даже какое-то мясо, мы все это готовили. Мы работали на молотилке... Все деньги, которые мы зарабатывали, мы отдавали в Можайский детский дом»¹⁵. В 1948 г., кроме колхозных бригад, в университете были организованы студенческие бригады по ремонту общежития. На каждом курсе были организованы 1—2 бригады. «Хотя работа была и трудной, но сколько радости, веселья, а кому-то и любви она приносила»¹⁶, — вспоминает И.И. Орлик.

На курсе зарождалась не только дружба, но и любовь: «22 супружеские внутрикурсовые пары (из них всего три развода!)... Кроме того, 10 человек связали свою судьбу с историками (историчками)»¹⁷. Зародившись в стенах университета, дружба продолжается долгие годы. Бывшие студенты, учившиеся на историческом факультете университета в 1947—1952 гг., до сих пор традиционно встречаются каждые 5 лет.

Примечания

- ¹ Интервью с И.В. Григорьевой. 27.10.2002 г. Из личного архива автора.
- ² Машинописная копия речи Н.Я. Эйдельмана на собрании курса 2 февраля 1973 г. Из личного архива автора.
- ³ Интервью с А.Б. Вебером. 19.02.2003 г. Из личного архива автора.
- ⁴ Центральный архив общественных движений г. Москвы. Ф. 478. Партийный комитет первичной организации КПСС Московского Государственного университета им. М.В. Ломоносова. Оп. 1. Документы по основной деятельности 1919—29, 1933, 1935—39, 1941—91 гг. Д. 171. Протоколы партийных собраний и заседаний партийного бюро цеховых партийных организаций кафедр: новой истории, истории СССР, I, II, III, IV, V курсов. Л. 80 об., 82, 151.
- ⁵ Там же. Л. 255.
- ⁶ Там же. Д. 280. Протоколы партийных собраний цеховых партийных организаций кафедр: южных и западных славян, истории СССР, отделения Востока, искусствоведческого отделения, II, III, IV, курсов. Л. 1 об.
- ⁷ Там же. Д. 277. Протоколы партийных собраний. Л. 165.
- ⁸ Интервью с Н.Я. Щаповым. 02.03.2003 г. Из личного архива автора.
- ⁹ Интервью с Ю.А. Мошковым. 23.05.2003 г. Из личного архива автора.
- ¹⁰ Интервью с Н.М. Часовниковой. 14.01.2003 г. Из личного архива автора.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Интервью с Л.Н. Краснопевцевым. 17.11.2002 г. Из личного архива автора.
- ¹³ Интервью с А.Б. Вебером. 19.02.2003 г. Из личного архива автора.
- ¹⁴ Интервью с И.В. Григорьевой. 27.10.2002 г. Из личного архива автора.
- ¹⁵ Интервью с Л.М. Брагиной. 04.11.2002 г. Из личного архива автора.
- ¹⁶ Орлик И.И. Наш курс. Истфак МГУ в 1947—1952 гг. // Новая и новейшая история. 2002. № 6. С. 167.
- ¹⁷ Машинописная копия речи Н.Я. Эйдельмана на собрании курса 2 февраля 1973 г. Из личного архива автора.